

Глава 2

Я слышал «звук».

Это стало повседневной рутиной.

В защищённом от света месте, спокойно разблокировав свой телефон, я перешёл на страницу истории.

На новостном сайте есть многочисленный список комментариев, есть резкие отзывы, а ещё есть комфорт согревающий сердце.

Если коротко, это была злость людей, рассказывающих о событиях.

Эти бесчисленные «звуки»... я читаю каждое слово.

Когда я смотрю на эту страницу, я касаюсь двух вещей левой рукой: ламинированной карточки с подснежником, причём увядшие лепестки удалось сохранить; и старого кухонного ножа. Эти две вещи — мои сокровища.

Выключив телефон, меня окутала тьма, лишь чёрный цвет распространялся там, куда направлялся мой взор.

В ушах по-прежнему оставалось эхо «звука».

Завершив эту рутинную процедуру, моё сердце наконец-то успокоилось.

...

На заснеженной дороге девушка-подросток стояла на месте.

Этот город был обителью холода, был только конец ноября, но снег уже начался. Может быть, даже в ближайшие несколько дней, на обочине дороги скопятся снежные сугробы. Будь это в Токио, такого снегопада было бы достаточно, чтобы вызвать панику, но прямо сейчас снег продолжал падать. Серые облака перекрывают солнце, здешняя мерзлота пробирает до костей, боюсь, я замерзну до смерти, даже если просто выйду из дома на улицу.

И я приехал в этот город.

А после, я познакомился с девушкой.

Она стояла в снегу, даже не стала поднимать зонтик. Вероятно, ученица средней школы или старшей школы, а юбка фиолетового цвета, вырисовывающаяся из-под толстого пальто, должна быть школьной формой.

Девушка стояла на обочине дороги и смотрела на сельхозугодия.

В этом поле что-то посажено?

Что она делает?

На голове девушки уже скопился снег. Кажется, она тоже меня заметила, наши взгляды встретились друг с другом.

Я опешил. Она смотрит на меня какими-то знакомыми глазами.

У неё было стройное личико, а прямо рядом с правым глазом, подобно слезинке, изящно красовалась родинка; волосы средней длины, которые прекрасно свисали, делали её лицо меньше, что возможно и было одной из причин. По сравнению с маленьким личиком, глаза большие и производят впечатление в сердцах людей.

Она хочет поговорить? Я колебался, но вскоре пришёл к выводу.

Не могу остановиться.

— Что-то стряслось? — спросил я. — Денёк прохладный, простудишься, если будешь так стоять на улице.

— Ах... ... — сказав так внезапно, девушка, похоже, почувствовала себя неловко, её взгляд скользнул вниз. — Кое-что ищу.

— Кое-что ищешь?

— Ты не видел кошелёк?

Девушка использовала два указательных пальца, чтобы очертить размер. Обычный длинный кошелёк.

— Нет. А когда ты в последний раз его видела?

— Когда покупала какао в торговом автомате...

Я прищурился и увидел торговый автомат примерно в ста метрах.

— Тогда он мог выпасть по дороге. О, давай я помогу тебе найти его.

— А, мне будет слишком неловко за это.

— Если ты его оставишь, его могут украсть.

— Ничего страшного. Я всё равно ничего не нашла на этой дороге.

— Это...

Поговорив со мной, она, кажется, наконец-то передумала и поклонилась мне. «Я пойду домой. Спасибо за беспокойство». *Топ, топ*, юная девушка вспомнила что надо бы раскрыть зонтик, однако её плечи уже были покрыты снегом.

Я решил, что делать дальше.

Не могу остановиться.

Два часа спустя кошелёк был найден.

Он упал подальше от торгового автомата, скорее всего он был украден ещё раньше.

В её кошельке лежал школьный билет, на нём написано имя..... «Адзуса» и адрес.

Её дом находится недалеко от станции.

Это был дом со спокойной атмосферой. Во дворе есть цветник, но там не было длинной травы, даже внутри почвы ничего не посажено, вероятно, семья бросила садоводство.

Я прошёл цветник и подошёл к двери. Нажав на дверной звонок, появилась Адзуса.

— Это случаем не он? — я передал кошелёк.

Она вытаращила глаза, посматривая то на меня, то на свой кошелёк.

— Ты искал всё это время? — она посмотрела на небо. — В такой снежный день?

— Это потому что я сильно незанят.

— Ты... .. не из здешних, да?

— Нет, мой дом в Токио, я приехал сюда для осмотра достопримечательностей.

— Вот как, приехал для осмотра достопримечательностей, но убил два часа, чтобы помочь мне найти кошелёк?

— Люди, которые осматривают достопримечательности, по большей части сильно незаняты.

Даже мне кажется, что это объяснение уж слишком обобщённое, но я не могу придумать других оправданий, которые можно сказать.

Адзуса всё ещё озадаченно смотрела на меня, но вскоре тихонько ойкнула.

— Извини, я до сих пор не поблагодарила тебя... Ты мне очень помог.

После этого она посоветовала мне зайти в дом, чтобы согреться.

Я просто нашёл чужой кошелёк, а меня пригласили в чужой дом — это чересчур великодушно.

Хоть я так и подумал, но я не выдержал холода и решил принять её предложение. Если буду стоять в такой холодный снежный день, кончики пальцев основательно заледенеют.

Когда я снял обувь, я спросил:

— Ты старше меня или тебе столько же?

— Мне пятнадцать лет.

— О, и мне. Тогда обойдёмся без формальностей.

— Конечно. Тогда и я обойдусь без формальностей, я Адзуса. А тебя как зовут?

Немного поколебавшись, я честно ответил ей:

— Ватанабэ Ацуто.

— Ага, ладно, буду звать тебя Ацуто, — прошептала она.

— Сразу называешь по имени? — спросил я её.

— Не нравится? — ответила Адзуса. — Ты сам только что назвал меня по имени.

Что есть, то есть.

Сказанного не воротишь.

— Ты не заметил? — сказала Адзуса и улыбнулась.

— Вообще не заметил, — я тоже ответил с улыбкой.

И вот так, я и Адзуса встретились.

Кажется, семья Адзусы очень любит цветы.

Прихожая заклеена цветочными плакатами. Каждая стена почти всю им излеплена, их уже можно считать за обои. Есть много видов цветов, таких как хризантема, гибискус, роза, утренняя слава, касабланка, лилия, гортензия, вишня и бегония... виды очень разнообразны. Судя по старению внешнего вида плаката, они клеились не все сразу, а увеличивались постепенно.

Комната в японском стиле, в которую она меня привела, также была покрыта плакатами. Независимо от того, насколько красив цветок, фотографии западных цветов внутри комнаты оформленной в японский стиль всё ещё немного находятся в несогласованности.

После того как мне разрешили я засунул руки и ноги в катацу. Медленно вытянув ноги, тепло постепенно проникло в моё тело, как оказалось, моё тело было настолько промёрзшим.

Похоже на кухне была мама Адзусы. «Кто там?», «Этот человек подобрал мой кошелёк», — слышался звук диалога между двумя людьми, и они не относились ко мне с насторожённостью.

Мать Адзусы появилась из кухни. У неё стройное телосложение, и она очень похожа на Адзусу.

— Ты голоден? Могу дать тебе что-нибудь поесть.

Сказав, она вернулась на кухню. Она добросердечный и вежливый человек.

Наблюдая за уходом мамы, Адзуса застенчиво улыбнулась.

— Тебе это не доставит хлопот? Мама так мотивирована... .. обычно у неё нет сил на готовку.

— Мама и дочь, жизнь всего из двух человек? Получается, ты единственный ребёнок.

— Есть ещё брат, однако он уже какое-то время не возвращался домой.

Адзуса села напротив меня, вдруг визгнув «ох», схватила блокнот, лежавший на столешнице, и потянула его на себя.

Тогда, я лишь заметил присутствие блокнота в это время, но её движения были настолько очевидны, что меня это сильно встревожило. «Что это?» услышав, что я спросил, Адзуса записала заметку держа его в своих руках.

— Дневник. Ой, не смотри.

— Рукописный, хах. Разве сейчас на телефонах нет приложения для ведения дневника.

— Но с мобильных телефонов неудобно показывать его другим, не так ли?

Она хочет показать свой дневник другим?

Хоть и очень обеспокоенный, но я не стал спрашивать о её отдушине. А ей, кажется, не хочется, чтобы её слишком донимали вопросами.

Похоже, Адзуса тоже желает сменить тему: «Ацуто, тебя интересуют цветы?».

— Цветы? — это были весьма неожиданные слова, так что я переспросил.

— Рядом есть неплохой парк, я отведу тебя туда после обеда, в знак благодарности за кошелёк.

Я всего лишь подобрал кошелёк, я не ожидал, что мне окажут такое гостеприимство.

Но у меня было ощущение, что было бы приятно сходить и посмотреть, поэтому я утвердительно кивнул головой.

Съев обед, приготовленный дома у Адзусы, мы вышли на улицу.

Как сказала Адзуса, парк находился рядом. Сад освещён огнями, а внутри есть все виды цветов. В сочетании с бледными лампочками, постоянно ощущалась какая-то необычность. И без того очевидно, что это сочетание искусственного и природного объектов, но оно необъяснимо гармонично, а в сочетании со снегом, от которого отражались светодиодные фонари, от прекрасной сцены перед глазами перехватывает дыхание.

Она досконально хорошо знает цветы и объясняет мне об одном цветке за другим. Скорее всего, расклеенные по дому плакаты — её интерес. Я раньше и знать не знал, что в холодное время года распускается так много цветов, в том числе анютины глазки и цикламен.

Раньше я лишь слышал эти названия, но это первый раз, когда я видел их собственными глазами. Они стоически держатся на снегу.

Идя дальше, я остановился перед цветником и прочитал слова на дощечке.

— Подснежник.....

Этот цветок, кажется, ещё не распустился, он просто растягивает крошечные листья, как будто пробиваясь сквозь тяжёлый снег.

Они не вянут, а растут прямо ввысь.

— Они тебе нравятся? — спросила Адзуса.

Я покачал головой: «Не сказал бы что нравятся».

Она присела на корточки перед цветочной клумбой и нежно коснулась кончиками пальцев.

— Вообще, мне он не очень нравится. У него также есть злосчастное суеверие. «Возложи этот цвет на останки любимого, и плоть превратится в цветок». Говорят, что в некоторых местах он является знаком смерти.

Знамение смерти... .. Мерзкий довод. Я почувствовал огорчение.

— Моя сестра подарила мне этот цветок как подарок на день рождения.

— Ах — ... Адзуса широко распахнула глаза. — Прости, я сказала это, не задумываясь.

— Да не парься. Слушай, могу я полюбоваться ими какое-то время?

— Но они же ещё не расцвели, — удивляется она.

— Ну, это потому что цветочные саженцы, подаренные моей сестрой, уже засохли.

Я увидел рядом скамейку и присел на неё. Предо мной было написано введение, гласившее, о периоде цветения и стране происхождения.

— Был ввезён в Японию в период Мэйдзи, как декоративный цветок.

А вот это предложение привлекло моё внимание.

— Чего, разве он происходит не из Японии?

Сверху написано, что он произрастал в Европе.

— Вот, — сказала Адзуса: — На самом деле, я никогда не слышала об их прорастании.

Этот вопрос привлёк моё внимание, но я решил не задумываться об этом, и вместо этого вскользь сказал:

— Вот как, а я и не зал этого раньше.

Я наблюдал в молчании. Сверху есть крыша, но, в конце концов, на открытом воздухе. Как же холодно. Я сунул руку в карман и просто продолжал смотреть на клумбу подснежников.

Прекрасный парк, он сам по себе кажется одиноким уголком. Неважно, насколько красивы освещение и снег, с цветами, которые не распустились, меня накрывала волна горя. Но я не отводил взгляд. Глядя на ночное небо, вы по-прежнему можете видеть луну, которую можно описать как изящную. При этом, такое чувство, словно я должен здесь погрузиться в сон на несколько часов.

Под снежной завесой, подснежники спокойно ждали весны.

Адзуса присела рядом со мной, не говоря ни слова.

Из-за того, что тянувшееся ожидание было для меня в тягость, я спросил вслух: «Тебе холодно?».

— Нисколько. Наблюдать за нераспустившимися цветами тоже не плохо.

— Если другие люди увидят это, они могут подумать, что мы мазохисты.

— А как тебе такое: в древности так же поговаривали, можно ли любоваться лишь вишнями в разгар цветения и полной луной на безоблачном небе.

— Ага, «Записки от скуки»[1], я прав? — у меня сложился образ из этих двух предложений, которые она сказала. — Мастер Канзёси.

— Ага, в точку, — услышав, как я указываю на источник, Адзуса радостно подняла указательный палец.

Я не ожидал, что среди моих сверстников есть такие, которым нравится классическая литература. После этого, мы с удовольствием болтали о классической литературе, похоже, что на любовь Адзусы к цветкам повлияли «Записки от скуки». Я понимаю её чувства. Чтение классической литературы прорастает мыслями о наблюдении за цветами и луной.

— Возможно, что мы двое, похожи, — сказала Адзуса с глубоким оттенком.

— Ага, — согласился я.

Мы смотрели на нераспустившиеся цветы, это заняло много времени.

Время последнего поезда уже приближалось, время возвращаться почти наступило.

Я встал.

Она проводила меня до станции. По дороге мы говорили о повседневной жизни, содержание — это тема, о которой школьники неизбежно будут говорить, например, о школьных и общественных мероприятиях, а также о планах на будущее.

Прощаясь, я предлагаю обменяться контактной информацией. На мгновение, у Адзусы округлились глаза, но она сразу же кивнула в знак согласия.

Я перекинул по соцсети свои данные Адзусе. Ей потребовалось некоторое время, чтобы добавить меня в свой собственный аккаунт, и, похоже, она в этом не шарит.

— Я уже несколько лет не обмениваюсь контактами с другими.

— Ну и дела, — услышав её объяснения, я засмеялся.

Адзуса прикрыла своё личико от смущения.

— Я не боюсь, что ты смеёшься, правда. Потому что общение со своими сверстниками особенно захватывающе. Ты так долго меня слушал, тебе же не наскучило со мной?

Вовсе нет. Я помотал головой.

Кажется, она редко общается с людьми.

— Ну тогда, мы друзья, — я попытался предложить. — После того как ты отправишь сообщение.

Я ведь не ребёнок, и когда заводить друзей надо сказать что-нибудь особенное, это же не странно?

Я немного волновался, но Адзуса застенчиво ответила:

— Я, как бы, особенно тронута. Обязательно свяжись со мной, Ацута.

Её улыбка была очень доброй.

Я тайно вздохнул. Похоже, она, по крайней мере, не относилась с подозрением.

Я не собирался надолго с этим заигрывать.

...

Я сказал Адзусе ложь.

Я был в городе несколько раз, я уже знал, как выглядит Адзуса, помнил её имя и адрес, но сегодня я впервые с ней разговаривал. Я притворился перед ней, что я такой же однокурсник, но я ученик старшей школы. Мне тоже пятнадцать лет, но мой и её учебные года отличаются.

Я несколько раз чуть не дал своей игре закончиться.

Когда я услышал от неё, что подснежник является знамением смерти, я почти заорал. Она зашла настолько далеко, что даже принизила цветок, который мне подарила Юми. И она также сказала, что мы очень похожи, — такая безмозглая речь тоже вывела меня из себя. Она и я — абсолютные противоположности, упоминать о сходстве равносильно оскорблению.

Я отчаянно пытаюсь подавить свои чувства, ничего не показывая.

У меня есть миссия.

Не могу остановиться.

...

Попрощавшись с Адзусой, я сразу же заметил.

Тело очень устало, голова раскалывалась, а ноги не работали.

От такого постоянного вранья умственная сила сводится на нет, я могу только смеяться.

Прямо сейчас предел уже достигнут. Если я продолжу быть вместе с Адзусой, то, по прикидкам, мой рассудок выйдет из-под контроля, и, возможно, я сию же секунду завою и сойду с ума. Возвращаясь на собственную улицу, где я жил, я всегда прихожу в это место.

Это было место для продажи, которое ещё не нашло своего покупателя. Пустой внутри, пышные деревья, растущие сами по себе, за которыми никто не ухаживал, дом, который стоял тут ещё год назад, был сожжен. Я глубоко вздохнул и почувствовал запах гари, возможно, что запах не полностью рассеялся.

Я сидел на земле, опираясь о ствол дерева. Забор перекрывает свет от электрической лампы, а растительность отделяет свет от соседствующих домов, образуя тем самым тёмное пространство, где даже не видны собственные пальцы.

Всюду, окутанный тьмой.

— Не могу остановиться... ни за что не останавливаться...

Я бормотал много раз.

Несчётное число раз, несчётное число раз.

Не могу остановиться.

На мои слова никто не ответил.

Реальность такова, что моей сестры больше нет.

Ничего страшного, то, что я сейчас делаю — правильно.

Наконец-то.

Я наконец-то сблизился с этой семьёй.

Точно так же как я потерял всё, дабы добиться того же, я избавлюсь от всех этих людей.

Я вынул карточку из своего кармана. На карточке есть подсохший подснежник, который был заламинирован.

Я схватил карточку обеими руками и вознёс молитву.

Не могу остановиться. Сегодня, это предложение — моя единственная надежда.

Я изо всех сил стараюсь сжать своё сердце, готовое вырваться в любую минуту, как если бы из меня выжимали кровь от страха, что она может выскользнуть из моих ладоней.

Я не остановлюсь.

Даже если я свяжу себя полностью почерневшей во мраке жизнью, я всё равно не остановлюсь.

Примечание переводчика

1. Записки от скуки — произведение монаха Ёсиды Кэнко (Кэнко-хоси) в жанре дзуйхицу, написанное в XIV веке. Наряду с «Записками у изголовья» Сэй-Сёнагон и «Записками из кельи» Камо-но Тёмэя входит в число «трёх великих дзуйхицу» Японии. (взято из Википедии)

<http://tl.rulate.ru/book/29072/703220>